

ХІІІ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ
ДОКЛАДЫ ЛИТОВСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА КОНИЦКАЯ
Вильнюсский университет

Эллипсис в словенском и русском языках

Теоретические аспекты сопоставительного описания синтаксиса славянских языков

Эллипсис (эллипс), или пропуск части предложения, в литературе неоднократно рассматривался с точки зрения структурно-синтаксической, семантической, функциональной и т.д.¹; отмечалась сложность, разноуровневость и разноплановость этого явления, особенно подчеркивался спорный характер отнесения его к уровню речи или языка.

В большинстве работ славистов, посвященных этой проблеме, как правило описывались *отдельные виды неполной реализации синтаксических структур*, см., напр. [Vychodilova 2001; Sendero 1989; Жеберек 1986; Војводић 1997]. По нашему мнению, внимания заслуживает сопоставительное исследование неполноты реализации синтаксических структур и как явления речи, и как явления языка, что не только согласуется с требованием системности при изучении этого явления, но и дает возможность более точно представить специфику сравниваемых языков в данном отношении.

Сопоставительное (контрастивное) изучение эллипсиса в славянских языках также имеет свою традицию. Следует согласиться с тем, что сравнение близкородственных славянских языков должно основываться на установлении как сходств, так и различий между ними с учетом места синтаксических явлений в системе каждого из сопоставляемых языков [Вауер 1972, 31–33]. Иными словами, для того, чтобы сопоставительное исследование носило последовательный и непротиворечивый характер, оно должно проводиться на единой теоретической основе и опираться на описание в единых терминах.

Одно из возможных направлений фронтативного изучения синтаксических явлений связано с выработанной в славянском языкознании, прежде всего в чешском, семантической классификацией основных *структурных типов предложения*, см. работы М. Грепля [Grep] 1968], П. Адамца [Adamec 1968], Ф. Данеша и К. Гаузенбласа [1974], К. Гаузенбласа [Hausenblas 1979], Р. Мразека [1978], Е. Кржижковой (Беличовой) [1974; Běličová 1982] и др.; при контрастивном изучении синтаксиса славянских языков, зачастую различающихся планом выражения синтаксических единиц при универсальности плана содержания синтаксических моделей [Норман 1988], такой подход кажется вполне естественным. Мысль о плодотворности использования *структурно-семантических* критериев сопоставления синтаксических единиц, при котором за основу берется общая семантическая модель предложения, или, по Ч. Фризу, “структурный смысл высказывания”, развивается в многочисленных исследованиях [см., напр.: Guiraud-Weber 1978; Гиро-Вебер 1979; Karolak 2002; Жажа 1988; 1990] и практически реализована в работах по сопоставительному синтаксису славянских языков [Koseska-Toszewa 1993].

Основным объектом исследования при изучении эллипсиса является формальное отсутствие (пропуск) элемента синтаксической схемы, т.е. описание того, при каких условиях, в каких структурных схемах в сопоставляемых языках возможно эллиптирование. Поэтому в качестве теоретической базы сопоставления должно быть выбрано такое описание синтаксического уровня, которое позволило бы рассмотреть формальные условия эллиптирования, лексико-семантические и другие особенности эллиптируемых единиц в сопоставляемых языках, установить сходства и различия в характере неполноты синтаксических структур. Такой базой может быть достаточно полное и последовательное описание синтаксиса по крайней мере одного из сопоставляемых языков, применимое и к другому языку; как показывает самая общая характеристика работ по синтаксису словенского и русского языков, есть основания в качестве ее принять принципы классификации РГ 80.

О продуктивности использования классификаций РГ 80 в сопоставительных исследованиях по синтаксису славянских языков свидетельствуют, напр., работы [Конюшкевич 1989; Vobran 1996], продемонстрировавшие, что “даже внешне сходная грамматическая конструкция функционирует в разных языках обычно чуть-чуть несходно” [Конюшкевич 1989, 13]. С опорой на теоретические положения РГ 80 были сделаны выводы о различиях отдельных типов предложений в русском и словенском языках в [Коницкая 1999; 2001].

Так, в наиболее полном описании словенской грамматики Й. Топоришича перечислены основные структуры предложений, основой для классификации которых является наличие/отсутствие подлежащего, глагольного сказуемого и его валентных связей — без экспликации их семантики [Toporišič 2000, 614, 628–635]² Для бесподлежащих предложений, например, он выделяет всего 4 схемы: 1) dG (*Sneži.*), 2) dG–Pr (*Mrazi jo.*), 3) dG–Pr1–Pr2 (*Zahotelo se mu je kave.*), 4) dG–Pr–Ps (*Tišči me v prsih.*), где dG — спрягаемая форма глагола, Pr — дополнение, Pr1, Pr2 — разные типы дополнений, — в то время как соответствующие по структуре русские предложения в РГ 80 относятся к типу спрягаемо-глагольного класса со схемой V_{фин 3s} и с общей семантикой “наличие бессубъектного или отнесенного к субъекту действия или процессуального состояния” [РГ 80, 96], ср.: *Метет; Ее трясет; Ему захотелось кофе; У меня саднит в груди.*

С другой стороны, для предложений *Oče je profesor; Mati je bolna* Й. Топоришич устанавливает одну структурную схему OS–dG–Povd (OS — подлежащее, Povd — именная часть сказуемого), тогда как аналогичные предложения русского языка (*Отец — профессор; Мать больна*) в РГ 80 рассматриваются как два разных типа подлежащно-сказуемых предложений без спрягаемой формы глагола. Нетрудно заметить, что Й. Топоришич вводит в структурные схемы предложений единицы разных уровней языка — морфологического и синтаксического, что едва ли допустимо, и не обосновывает принципов классификации, что делает затруднительным ее понимание и использование.

Более последовательной представляется выработанная А. Желе типология словенских структур предложений с опорой на чешскую традицию [Žele 2001, 244–252] — с делением их на двухкомпонентные/однокомпонентные типы и с учетом валентности глагола, выступающего в функции сказуемого. Однако в этой классификации рассмотрены только глагольные типы предложений, поскольку автор не ставила перед собой задачи полного перечня словенских структур.

Русские синтаксические структуры описывались на основании различных теоретических принципов. Одним из наиболее детальных представляется описание структурных схем предложений в РГ 80, в котором учитываются парадигматические особенности, возможные модификации, лексико-семантическое наполнение, расширители предложений, устанавливается семантика предложения. В теории, изложенной в РГ 80, компоненты структурной схемы могут как присутствовать (полная реализация), так и отсутствовать (неполная реализация структурной схемы). Определение неполной реализации

структурной схемы в РГ 80 не совпадает со специфическим для русской традиции определением эллиптического предложения и скорее совпадает с определением неполного предложения.

Неполные и эллиптические предложения различаются в работах ряда русских ученых. Так, Н.С. Валгина [1978, 214] называет эллиптическими “самостоятельно употребляемые предложения особого типа”, в структуре которых отсутствует глагольное сказуемое, не упомянутое в контексте, то есть в смысловом отношении не являющееся необходимым для передачи данного сообщения. Эллиптические предложения типа *Теркин — дальше, автор — вслед; Всюду степь; У отца собрание* отличаются от неполных предложений с лексически незамещенными синтаксическими позициями типа *Ты куда? — В магазин*. Сходное разграничение неполных и эллиптических предложений представлено также в [Современный русский литературный язык 1988, 329–331]³ Важно отметить, что эллиптические — с незамещенными элементами — предложения рассматриваются как *полные* реализации определенной структурной схемы. В РГ 80 предложения такого типа трактуются либо как отдельные структурные схемы (*Всюду степь; У отца собрание*), либо как регулярные неполные реализации структурных схем (*Я домой; Он о деле*), что определяется семантикой структурной схемы. Установленное в РГ 80 разграничение полных реализаций структурных схем предложений особого типа, соотносимых со “стационарными” предложениями в терминологии А.М. Пешковского и с эллиптическими — в традиционном для русского языкознания смысле слова, и неполных реализаций структурных схем близко к рассматриваемому З. Выходиловой разграничению *синтаксического эллипсиса* и *синтаксического нуля*.

По мнению З. Выходиловой, синтаксический эллипсис можно понимать “как отсутствие знака в целом, как пропуск целостного комплекса”, соотносимого с определенным элементом содержания в глубинной мысленно-содержательной структуре [Vychodilova 2001, 3]; при эллипсисе незаполненность позиций схемы предложения ведет к нарушениям синтаксических связей в его реализации. Нулевая форма синтаксического знака, в отличие от эллипсиса, представляет собой “системно обусловленную нулевую реализацию одного или нескольких членов морфолого-синтаксической парадигмы с однозначной семантической дефинируемостью” [там же, 4–5].

Определение неполноты реализации в РГ 80 согласуется с определением эллипсиса, предлагаемым другими лингвистами. По замечанию З. Салони, “Zdanie eliptyczne to takie zdanie, które nie jest zdaniem nieeliptycznym, czyli pełnym” [Składnia 1998,

56]. Естественно, что проблема эллипсиса и его границ при такой постановке проблемы не может быть решена до полного описания синтаксиса, т.е. структурных схем предложений. М. Гроховский подчеркивает, что явление эллипсиса — это не что иное, как “*dwuargumentowa relacja między dwoma nie współwystępującymi ze sobą tekstami*” [Grochowski 1976. 124]. Структурную схему как единицу для установления эллипсиса принимает Й. Топоришич: “*Izpušt ali elipsa je, če v sicer dokončanem stavku glede na stavčni vzorec kaj manjka*” [Toporišič 2000. 634].

Далее под эллипсисом мы понимаем *пропуск компонента синтаксической схемы с точки зрения ее формальных характеристик*; это означает, что предложения, которые являются реализациями отдельных структурных схем, не считаются эллиптированными, поскольку в таком случае нет необходимой реляции между полной и неполной реализацией. При этом мы считаем важным введенное в РГ 80 различие *конситуативно обусловленных неполных реализаций*, появление которых связано с ситуацией или контекстом, и *конситуативно необусловленных неполных реализаций* — структурно-позиционных вариантов полного предложения [РГ 80, 240].

Следует особо оговорить, что из рассмотрения исключаются *вокативные и предизирующие* предложения, которые в РГ 80 определяются как “относительно независимые высказывания, непосредственно не опирающиеся на грамматические образцы простого предложения” [РГ 80, 419–421]; к ним относятся заголовки, названия, слова-предложения (подтверждение/несогласие, этикетные выражения, команды, выражение различных чувств и реакций, призывы и т.д.). Такого рода предложения обычно обладают фразеологизированной структурой, оформляются особыми интонационными средствами и используются в довольно узкой сфере, чем отличаются от неполных реализаций структурных схем.

Основные разновидности эллипсиса в русском и словенском языках

А. КОНСИТУАТИВНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ НЕПОЛНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ

В конситуативно обусловленных позициях в словенском и русском языке возможны пропуски *любых членов предложения*, при этом в предложении всегда есть элемент, предсказывающий незаполненное место (анафора/катафора). Такие неполные реализации обычны в сложном предложении, во вторых репликах диалогических единств, в разных типах текстов⁴.

Пропущенным элементом может быть:

предикат, напр.: рус. *Я ее нашла, когда Скворцов разбился. — Кто? — Скворцов (АШ)⁵*, слов. *Nekdo se je preveč napil, zdaj mi je slabo in stoka. — Kje? — Pred kočjo (FB)* ‘Кто-то слишком много выпил, сейчас ему плохо и он стонет. — Где? — Перед домом’;

субъект, напр.: рус. *Шумит Семиречье? — Шумит (АШ)*, слов. *Kje je Blažek? — Na peči je. Spi (FB)* ‘Где Блажек? — На печи. Спит’;

детерминантная группа: объектная, напр.: рус. *Хотите, он это сделает? Он может!* — *Откуда ты знаешь?* (ЕК), слов. *Odsekaj mi kite!... Odsekaj naglo!* (FB) ‘Отрежь мне косы! Отрежь быстро!’; обстоятельственная, напр.: рус. *Я вам нужен? — Нет, но почему именно в Индию? — Кому-то надо идти* (АШ), слов. *Antej je nekaj časa razmišljal, da bi bilo morda dobro iti k Marinku na pogovor, a ga je nekaj zadrževalo, in ni šel* (MT) ‘Антей некоторое время размышлял, что, наверное, стоило бы пойти поговорить с Маринку, но его что-то не пускало, и он не шел’;

различные распространители (дополнение, обстоятельство) при наличии предсказывающего атрибутивного определения, выраженного прилагательным или же существительным с предлогом, напр.: рус. *Мать сунула отцу морковь, а перчатки дать забыла. Я протянул отцу свои* (НВ); слов. *Kakšne naj bi bile posledice, zbor ni znal podrobno opredeliti. Gotovo hude, o tem so bile razsodnice pričane* (MT) ‘Какие могли быть последствия, совет не мог определить. Наверняка плохие, в этом были убеждены все судачащие женщины’; рус. *Тебе с сахаром или без?*; слов. *Želite s parmezanom?* (JT) ‘Вам с пармезаном?’;

в обоих языках возможен также пропуск *нескольких членов предложения*, ср.: рус. *Булочник Коновалов здесь работает? — Здесь! — ответил я ей* (НВ); слов. *In kam odteka voda od te vaše pralnice? — V reko, v tole našo ljubo reko* (MT) ‘И куда вытекает вода из этой вашей прачечной? — В реку, в эту нашу любимую реку’

Появление консигуативно обусловленных вариантов обычно связывается с общим стремлением к экономии. Они стилистически нейтральны, что на материале русского языка убедительно показано в [Сковородников 1978, 15]. То же относится к словенскому языку, где полная реализация предложения в условиях повторяющегося контекста является стилистически маркированной [Toporišič 2000, 635]. Нейтральность неполных вариантов связана с преимущественной имплицитностью повседневной речи [Яacobсон 1985, 228] и основывается на устранении “повторения или антиципации элемента, который необходимо присутствует в контексте или подсказывается ситуацией” (Ш. Балли, цит. по: [Яacobсон 1985, 227]).

Такое повторение осуществляется:

в условиях конгруэнтности структуры соположенных предложений (в обоих языках), напр.: рус. *Калиныч стоял ближе к природе. Хорь же — к людям, к обществу* (НВ); слов.: *Med to oko, uho in roko je razpeto človekovo življenje, ki se konča v eni priliki v nebesih, v drugi*

v *peklu* (МКг) ‘Между тем глазом, ухом и рукой распята человеческая жизнь, которая в одном случае заканчивается в небесах, а в другом — в аду’;

при повторении актантов предшествующего предложения [Леонтьева 1965, 42] и наличии в предложении лексико-синтаксических анафорических элементов [Grochowski 1976, 126], напр.: рус. *Нужна нам отвага для первого шага, А кто упадет, но рискнет на второй <...>, Тот дважды герой* (Б.М); слов.: *Umaknil sem se in šele takrat zaznal, koliko je na tem pokopališču mačk. Skoraj na vsakem grobu je poležavala kakšna in se zleknjena grela na toplem soncu* (МК) ‘Я отошел и только тогда понял, как много на этом кладбище кошек. Почти на каждой могиле лежала какая-нибудь и, растянувшись, грелась на солнце’

Конгруэнтность синтаксической структуры, создающая наиболее благоприятные условия для эллипсиса [Леонтьева 1965, 41], а также повторяющиеся актанты и анафорические/катафорические лексико-грамматические средства являются в обоих языках предсказывающими элементами, содержащими разнообразную информацию о характере пропущенного компонента. Порядок следования этих элементов в языках может различаться. Так, в словенском языке эллипсис предиката и его группы может выступать в предшествующей конструкции, напр.: *Ne meč, pregnala bo nas sreča krvava* (JT) ‘Нас изгонит не меч, а кровавая встреча’, *Ne jaz, vojna je napisala ta roman* (JT) ‘Этот роман написал не я, а война’ (при возможности инверсии: ‘Не я, а война написала этот роман’), тогда как в русском обычно эллиптируются элементы последующей конструкции.

Разница между языками наблюдается также в специфике значений и характере употребления отдельных лексем, что в свою очередь вызывает различия в конситуативно обусловленных реализациях предложений. Так, в словенском языке предсказывающим сигналом пропуска предиката часто являются частицы *še*, *že*⁶, которые могут находиться в постпозиции к члену предложения, в коммуникативном отношении представляющем рему, напр.:

(а) *Razen psa in muše nista imela ničesar. No, nekaj kokoši še, tri purtanein mikene mikene njivice pod skalami* (MT) ‘Кроме собаки и кота, у них ничего не было. Ну, *еще* несколько куриц, три индюка и маленькое поле под скалами’;

(б) *Tam sicer niso bili tako prijazni. Teta Fila že, drugi pa ne* (MT) ‘Там вообще-то были не очень доброжелательны. Тетя Филя *да*, а другие нет’; *Verjetno ne bo kar tako odšel. In če že, pa naj* (SSKJ) ‘Наверное, он не уйдет просто так. И если *все же* <уйдет>, то пусть’.

В русском языке частицы *даже*, *еще*, соотносимые со словенскими *že*, *še* также могут выступать в качестве сигналов, но при этом они всегда находятся в препозиции, напр.: *Все молчали, даже командир*, тогда как в словенском языке частица *že* всегда находится в постпозиции, а частица *še* возможна как в пост-, так и препозиции, ср. *To more ugotoviti samo zdravnik, in še ta težko* (SSKJ) ‘Это может установить только врач, и *да и то* с трудом’.

Если в предложении выступает отрицательный предикат, то в словенском языке при его эллиптировании сохраняется отрицание в виде частицы *ne*, а в русском языке предикат эллиптируется полностью, ср.: слов. *Tri leta in pol ji nisem popolnoma nič namignil. In tudi ona meni ne* (AS) ‘Три с половиной года я ни на что ей ни разу не намекнул. И она мне тоже’. Это особенно ярко проявляется при усилении отрицания другими лексическими средствами (отрицательными местоименными наречиями, усилительными частицами и под.), напр.: слов. *Miške so spale sladko kot še nikoli ne* (Bis) ‘Мышки спали сладко, как никогда’.

Одной из особенностей словенского языка является эллиптирование подлежащего, выраженного личным местоимением 3 л., особенно в придаточных изъяснительных предложениях, напр.:

V svoji skrušenosti in spokojni ponižnosti si ni upala poklicati brodarice, da bi jo prepeljala (FB) ‘В своем отчаянии и спокойном смирении <она> не решалась позвать паромщицу, чтобы <та> ее перевезла’; *Vsakogar, ki je trdil, da je padar, pa četudi je bil potepuh in slepar, so pustili k otroku* (FB) ‘Всякого, кто утверждал, что <он> лекарь, даже если <он> был бродяга и обманщик, пускали к ребенку’; *Porodila se mu je smešna misel, da bi rekel hvala* (AH) ‘У него появилась смешная мысль сказать спасибо’, досл. ‘...чтобы <он> сказал спасибо’.

Обычность пропуска подлежащего придаточных предложений, анафорически связанного с компонентом главного предложения, отмечалась в словенской лингвистике. Экспликация подлежащего в таких предложениях, по мнению Я. Орешника, связана с определенным условием — с его акцентированием: “*Osebek bi lahko tudi bil ubeseden, npr.: Pustil je Micko, da ONA poje (velike črke označujejo poudarjenost)*” [Orešnik 1989, 138].

Эллипсис подлежащего придаточных предложений можно было бы отнести к особенностям строения сложного предложения⁷ в словенском языке, но он встречается не только в предложении с подчинением, но и в сложных синтаксических единствах, ср., напр.:

Gospoda Verka Šminka je dolgo mučila hrbtenica. Hodil je v ambulanto po injekcije, ki mu jih je “z ljubeznijo” zabadala gospa Nala (MT) ‘Господи-

на Верко Шминка долгое время мучил позвоночник. <Он> ходил в поликлинику делать уколы, которые “с любовью” делала ему госпожа Нала”; *Luči mesta so se približevale. Če bi se obrnil, bi videl, da si je kljub toplemu vetru s kopnega potegnila odejo do brade* (DJ) ‘Огни города приближались. Если бы <он> повернулся, то увидел бы, что, несмотря на теплый ветер с берега, <она> натянула одеяло до подбородка’.

В русском языке также возможен пропуск анафорического личного местоимения 3 л. в сложных синтаксических единствах, ср. пример из [Пешковский 1956, 399]: *Вот в такие-то минуты Пака и оставался один. Был такой тихий и послушный, что совсем не опасались оставлять его одного: никуда же не уйдет и уж наверное ничего недолжного не сделает* (Ф. Сологуб). А.М. Пешковский относит такие предложения к числу стационарных, то есть обладающих определенной, установленной структурой.

Эллипсис местоимения 3 л. в подобных случаях составляет одну из характерных особенностей словенского языка, является нейтральным и распространенным явлением.

Различия между языками сказываются также в распространенности неполных реализаций с разного рода детерминантами. В русском языке обычными являются реализации без субъектно-объектного детерминанта, выраженного местоимением [Sendero 1989, 201–203; см. также: Сковородников 1978, 26, 28], напр.:

а) вин. п. *Очень жаль, что тебя не интересуют мои успехи. — Страшно интересуют, но всему свое время* (BS); *Не знаю, хорошенькая, нет ли, знаю только, что люблю ее. На руках бы носил* (BS); *Меня ранило, уволокли в госпиталь и опять сел на взвод. Вдругорядь угораздило напиться* (ПС).

б) дат. п. *Не спится?; Хочется домой?; Страшно идти по пустой улице; Как не стыдно глупостями заниматься!; Обидно было за себя* (BS); *Сколько живу — чертам хожу. Пора, чай, отмыться* (ПС).

Как отмечает Г.А. Золотова, в утвердительных конструкциях эллиптированный субъект часто означает говорящего, напр.: *(Мне/нам) не хочется уходить*, а в побудительных и вопросительных предложениях — собеседника, напр.: *(Тебе, вам) не хочется уходить?* [см.: Семантика и синтаксис, 68]. В словенском языке в подобных предложениях семантический субъект, выраженный личным местоимением, обычно не эллиптируется, также как не эллиптируется объект, выраженный местоимением, напр.:

а) вин. п. *Spomnim se, da mi je bilo malo tesnobno, nekoliko me je bilo strah zaspati s tem mrzlim človekom* (DJ) ‘Я помню, что было немного тяжело, немного страшно спать рядом с этим холодным человеком’; *Vežla*

ga je tri mesece, dokončala ga ni (FB) 'Она вышивала его три месяца, (но так и) не закончила':

б) дат. п.: *Hočeš požirek vina?* — *Jasno, kar natoči mi ga* (SSKJ) 'Хочешь глоток вина? — Конечно, налей'.

Наряду с пропуском детерминантов, в обоих языках возможен пропуск одного из компонентов словосочетания. Условия эллипсиса в словосочетании, перечисленные в [РГ 80, 142] для русского языка, характерны и для словенского. В обоих языках эллипсис возможен в следующих случаях:

а) высокочастотная неполнота словосочетаний, напр.: рус. *отдать тетрадь товарищу* — *отдам тетрадь, отдам товарищу* (РГ 80); слов. *Potrkal sem in vstopil* (JV) 'Я постучался и вошел'; *Voznik je ustavil pred hišo* (SSKJ) 'Шофер остановил <машину> перед домом';

б) отсутствие непосредственной близости опорного слова с зависимым, при обязательном наличии опорного слова в контексте или же указания на него в ситуации, напр.: рус. *У него не было тогда иголки, и я дал ему свою с ниткой* (РГ); слов. *Slovenske slovnice. Nuk ima včasih kakšno zanimivo idejo. Že štiristo šestnajst let je od prve — cela večnost* (AS) 'Словенские грамматики. У НУБ иногда бывают интересные идеи. Уже четыреста шестнадцать лет прошло со времени первой — целая вечность';

в) узуально закреплённая неполнота словосочетания, напр.: рус. *начало девятого часа* — *начало девятого; перерыв от двух часов до трех часов* — *перерыв от двух до трех, дети до шестнадцати лет* — *до шестнадцати вход воспрещен; студенческий билет* — *студенческий потерял* (РГ); слов. *četrť do devete ure* — *četrť do devete* 'без четверти девять'; *vzvratna prestava* 'задний ход' — *dati v vzvratno* (SSKJ) 'дать задний ход'.

Узуальное закрепление пропуска компонента словосочетания, в частности, в атрибутивных словосочетаниях, представляет особый интерес. Можно выделить два типа таких словосочетаний: 1) с атрибутивной частью, выраженной прилагательным, и 2) с атрибутивной частью, выраженной существительным.

1) Узуальное закрепление пропуска существительного — компонента атрибутивного словосочетания, так называемая контекстно-эллиптическая субстантивация, близка к фразеологическому эллипсису [Сковородников 1978, 13]. Оно обычно отмечается:

а) в составных именах собственных, обозначающих географические объекты, театры, музеи и др., напр.: рус. *Невский проспект, Пушкинская площадь, станция метро Кропоткинская, Патриаршие*

пруды; *Большой театр, Пушкинский музей*; слов.: *Miklošičeva cesta, Šmarna gora, Rogaška Slatina, Klinični center, Mladinsko gledališče*;

б) в составных наименованиях, напр.: рус. *автобусная станция, минеральная вода*, слов. *avtobusna postaja, mineralna voda* и т.д.

Пропуск опорных существительных обычен при употреблении таких имен собственных и составных наименований в разговорной речи, напр.:

рус. а) *На Невском было много людей* (ЕК); б) *А недавно погибли муж и жена, их задавила грузовая; Недавно в продовольственном я познакомился с интересным человеком; А потом мы еще с Львом Ивановичем ходили в букинистический; На тему "непрерывки" он защитил кандидатскую* (ПС); слов.: а) *Sprehodil sem se po Miklošičevi do Tromostovja* (JV) 'Я прошелся по Миклошичевой <улице> до Тромостовья'; *Že sto čez Ljubljano, potem pa mimo Kliničnega* (AS) 'Мы уже <проехали> через Любляницу, потом мимо Клинического <центра>'; б) *Toda tisto, kar se je takrat dogajalo v predavalnici teološke, ni imelo z ugodjem nobene zveze* (JV) 'Но то, что тогда происходило в аудитории теологического <факультета>, не имело никакой связи с удовольствием'; *Če bi se kakšen študij na filozofski lahko preživljal s tečaji, bi se prav ta* (AS) 'Если бы какая-нибудь специальность на философском <факультете> могла содержать себя за счет курсов, так только эта'.

В ряде случаев в обоих языках представлены эквивалентные составные наименования, в которых может опускаться опорное существительное, напр.: рус. *философский (факультет), технический (редактор), генеральный (директор), ночная (смена), черный/белый (хлеб)* — слов. *filozofska (fakulteta), tehnični (urednik), generalni (direktor), glavni (direktor), nočna (izmena), črni/beli (kruh)* и др. Хотя в сравниваемых языках составные наименования такого рода различаются по составу, в обоих из них возможен эллипсис опорного слова, напр.: рус. *проездной (билет), химическая (завивка)* — слов. *mesečna (vozovnica), trajna (ondulacija)*, ср.: рус. Ты уже купил *проездной?* — слов. *Si že kupil mesečno?*; рус. Сделайте мне *химическую* — *Napravite mi trajno* (JT).

В некоторых случаях в обоих языках закрепляется пропуск различных компонентов эквивалентных атрибутивных словосочетаний, ср.: рус. (*телефонный номер, (чистая) прибыль*, напр.: *У меня нет твоего номера, не могу позвонить; Прибыль составила 5 млн. рублей* — слов. (разг.) *telefonska (številka), čisti (dobiček)*; ср. соотносимые предложения: слов. *A mi poveš svojo telefonsko?* — рус. Ты мне скажешь свой <телефонный> номер?; слов. *Imeti pet milijonov čistega* — рус. *Иметь пять миллионов <чистой> прибыли*. Такие пропуски весьма обычны также в художественной литературе, напр.:

слов. *Prodaš jih za sto lir; čistega ti znese deset lir* (MT) 'Продашь их за сто лир; чистой прибыли у тебя будет десять лир'

Пропуск прилагательного в атрибутивном словосочетании в одном языке не всегда имеет аналог в другом из-за отсутствия в нем эквивалентного составного наименования, напр.: слов. *Diši po kolonjski* (= *kolonjski vodi*) (SSKJ) 'Пахнет одеколоном'; *Zaradi materinega pijanstva jo je socialna* (= *socialna služba*) *dodelila starejšemu kmečkemu paru* (DŽ) 'Из-за пьянства матери органы опеки отдали ее в семью пожилых крестьян'; *Grem na zapuščinsko* (= *zapuščinsko sodišče*) 'Иду в суд по вопросам наследования'; *Sporočilo je poslala terenska obveščevalna* (= *obveščevalna služba*) (SSKJ) 'Сообщение послало местное бюро информации'; и наоборот, рус. *В этом книжном* (= *книжном магазине*) *можно приобрести самую новую литературу* (ЕК) — слов. *V tej knjigarni se da nabaviti najnovejšo literaturo* и т.д.

Возможен также пропуск слов в свободных словосочетаниях. В ряде случаев очевидна связь узуального закрепления эллипсиса опорного слова с обычными в данном обществе явлениями, ср. распространенность в словенском языке пропуска слов *vino, kava: daj mi požirek grenkega/kislega/domačega/belega/črnega* <*vina*> (SSKJ) 'дай мне глоток горького/кислого/домашнего/белого/красного/ <вина>'; *spiti dve črni/ turški* <*kavi*> (SSKJ) 'выпить два черных <кофе>/<кофе> по-турецки'; примеры из художественной литературы: *Stopil je do okenčka v steni, ga odprl, našel v njem zelenko z žganim, podihaval in jo postavil na mizo, rekoč: Sedita, sem bil rekel. Lanski je, češnjevce. Vseeno — na Rakovici so imeli vedno dobrega* (MKr) 'Он подошел к стенному шкафчику, открыл его, нашел в нем зеленую бутылку с водкой, понюхал ее и поставил на стол со словами: Садитесь, я вам сказал. Это с прошлого года, вишневка. Все равно — на Раковице всегда было хорошая <водка>'; *Stopi v klet, nareži prekajenega, prinesi žganja...* (MKr) 'Сходи в клетку, нарежь копченого <мяса>, принеси водки'; *Erjavčevka ropota s kafetiero, ne more kuhat turške ko normalni ljudje* (AS) 'Эржавчевка грохочет кофеваркой, не может сварить <кофе> по-турецки, как нормальные люди'.

В обоих языках возможен пропуск опорных слов в свободных атрибутивных словосочетаниях, напр.: рус. *Давно уже в Липине я не бывала. Может, и заболотские придут* (ПС); слов. *Imel pa je smledniški lepo hčer Katarino* (FB) 'У смледницкого <хозяина> была красивая дочь Катарина'. В некоторых случаях эллипсис опорных слов фразеологизируется; в словенском языке закреплен пропуск слов типа *pesem* 'песня', *beseda* 'слово', *šala* 'шутка', *klofuta* 'затрещина', *udarec*

‘удар’, *vreme* ‘погода’, *zadnjica* ‘задница’ и др., ср.: *zaporjmo kakšno ljudsko* ‘давайте споем какую-нибудь народную <песню>’, *zapeli so več novih* ‘запели много новых <песен>’, *mastne pripoveduje* ‘отпускает сальные <шутки>’, *dokaj modrih je povedal* ‘он сказал много мудрых <слов>’, *dobil je nekaj vročih* ‘он получил пару горячих <ударов>’, *v mokrem steza ne drži* ‘в мокрую <погоду> тропа размывается’, *v grdem ne hodi ven* ‘в плохую <погоду> не выходи на улицу’, *po nagi jo je našeškal* ‘он отшлепал ее по голой <заднице>’ (все примеры из SSKJ). В русском языке узуально закрепленными можно считать пропуски лексем *слово*, *песня*, *удары* во фразеологизированных сочетаниях, напр.: *Споемте нашу любимую!*; *Я ему скажу пару ласковых!*; *Всыпать десяток горячих*⁸. В обоих языках в атрибутивных словосочетаниях опускаются в основном лексемы одних и тех же семантических групп, хотя есть и определенные различия.

Узуально закрепленный пропуск опорного слова в атрибутивных словосочетаниях с зависимым компонентом, выраженным существительным, представлен главным образом в ситуативно обусловленных типических высказываниях, напр., рус. *Будете с сахаром?* = *Будете пить чай с сахаром?*, слов. *Boste s parmezanom?* = *Boste jedli rižoto s parmezanom?*

Определенные сходства и различия словенского и русского языков наблюдаются в атрибутивных словосочетаниях с числительными со значением времени. В русском языке в них закреплен пропуск опорных существительных *минута*, *час*, *год*, в словенском языке — соответствующие им *minuta*, *ura*, *leto*, а также семантически связанного с ними существительного *obletnica* ‘юбилей’, напр.:

рус. *Сейчас без двадцати* <минут> двенадцать — слов. *Ura je dvajset <minut> do dvanajstih*;

рус. *Магазин открыт с восьми* <часов> до шести <часов> — слов. *Odprto od osmih do šestih*;

рус. *Встать надо было до четырех* <часов> — слов. *Vstati je bilo treba že pred četrto <uro>* (MT);

рус. *От шестнадцати* <лет> и старше; Ей было двадцать два <года> — слов. *Fant okrog dvajsetih <let>* (SSKJ) ‘Парень около двадцати <лет>’; *On je že krepko v šestdesetih <letih>*, *žena pa jih je imela... koliko?*⁹ *Okoli trideset <let>*, *se mi zdi* (AS) ‘Ему уже хорошо за шестьдесят <лет>, а жене было всего... сколько? Около тридцати <лет>’; *Saj mi sploh ni bilo več do žensk, kajti preplezal je petinpetdeseto <obletnico> in že se je oziral po miru in zavetju* (MT) ‘Ему вообще уже не было дела до женщин, так как он отпраздновал пятидесятилетний юбилей и уже искал покоя и тихого местечка’.

Интересно, однако, что в словенском языке в некоторых случаях, а именно в сочетании с предлогами *od*, *do*, *ob*, при отсутствии лексемы *ura* используется форма мн. ч. порядкового числительного, при ее наличии — форма ед.ч. количественного числительного, что не позволяет интерпретировать отсутствие лексемы *ura* как ее эллипсис, напр.: *Jutri ob treh pridi* (AS), но: *Pridi jutri ob tretji uri* ‘Приди завтра в три (часа)’; *Delali smo do devetih*, но: *Delali smo do devete ure* ‘Мы работали до девяти (часов)’. В русском же, как видно по переводам этих примеров, в обоих случаях выступает одна и та же форма числительного, и отсутствие лексемы *čas* носит характер эллипсиса.

В обоих языках представителем зависимого члена словосочетания в случае его эллипсирования может выступать служебный элемент — предлог, напр.:

рус. *Наш начальник привык кричать по поводу и без; Не существует свободы от без свободы для* (РГ); в консиуации — *Это на или с?* (в университете о звонке, пример 3. Выходиловой; он интересен также тем, что здесь предлоги служат “сигнализаторами валентных отношений невыраженного глагола” [Vychodilova 2001, 14]);

слов. *Druge ženske so imele še slabše <marele>, nekatere pa so bile sploh brez* (МТ) ‘У других женщин зонтики были еще хуже, у некоторых их вообще не было’; *Sončila se je zgoraj brez* (SSKJ) ‘Она загорала без верхней части купальника’; *Mož ima denar, o, ni brez* (SSKJ) ‘У мужчины есть деньги, о, не без <того>’; *predstava je izven* (SSKJ) ‘спектакль не по абонементу’, досл. ‘спектакль вне’.

В русском языке предлог выступает представителем зависимого члена словосочетания в том случае, если в предложении (или, в случае диалогического единства, в более широком контексте) есть либо соотносимая с эллипсированной конструкцией предложная конструкция, либо еще один “свободный” предлог. В словенском языке возможно также появление одиночного предлога, ср. распространенные в разговорном языке конструкции: *A gremo čez* (= *čez cesto*)? ‘Перейдем дорогу?’; *Boste kavo brez* (= *brez smetane*)? ‘Вы будете кофе без сливок?’.

Предлоги в разной степени способны выступать в этой роли; в словенском языке чаще всего это предлог *brez*, тогда как другие предлоги в этой функции если и выступают, то крайне редко. В русском же языке в ситуации эллипсиса возможно появление даже неслоговых предлогов.

Существенные различия между словенским и русским языком связаны также с тем, что в них по-разному реализуется: а) неполное

эллиптирование сказуемого (с сохранением части глагольной формы) и б) анафорическое эллиптирование субъектно-объектных детерминантов.

а) В том случае, если предикат выступает в аналитической глагольной форме, в обоих языках возможно сохранение формы вспомогательного глагола, напр.: рус. *Будешь писать письмо?* — *Буду*, слов. *Ali boš pisal pismo?* — *Bom*. Однако в русском языке при помощи вспомогательного глагола *быть* образуются только аналитические формы будущего сложного времени глаголов несовершенного вида (*буду делать, будем писать*), в то время как в словенском языке при помощи вспомогательного глагола *biti*, кроме форм будущего сложного времени (*pisal bom*), образуются формы прошедшего времени (*pisal sem*) и плюсквамперфекта (*pisal sem bil*). При помощи частиц в обоих языках образуются формы сослагательного наклонения (рус. *писал бы*, слов. *pisal bi, pisal bi bil*), в словенском языке при помощи частицы *naj* образуются некоторые формы повелительного наклонения (*naj piše*). Кроме того, в словенском языке как некоторые типы пассивных конструкций (*knjiga se piše* 'книга пишется'), так и рефлексивность вообще (*ogledati se/si* 'осмотреть') оформляются при помощи *se/si*, которая в составе предложения занимает строго определенное правилами порядка слов место. Формы с *se/si* в словенском языке представляют собой разнооформленные единицы и в этом отношении подобны аналитическим грамматическим формам.

Все формы связочного глагола и частицы в словенском могут сохраняться в предложении как "остаток" (клитикон) полнозначного глагола при его эллиптировании, напр.:

в прошедшем времени: *Misliš, da te je prepoznal?* — *Je* (MD) 'Думаешь, он тебя узнал? — Да'; *No, ste se zdaj za silo nagledali?* — *Smo* (Bis) 'Ну, сейчас хоть немножко насмотрелись? — Да';

в будущем времени: *V Kapitulju so zvonili ne vem katero uro, a zvon je ni ustavil — zakaj sem le mislil, da jo bo — ni ji skrajšal niti koraka* (MD) 'Я не знаю, который час били в Капителе, но колокольный звон ее не остановил — и почему я думал, что ее <остановит> — и не задержал ее ни на шаг'; *Odkoder si dobil pomoč ti, od tam jo bom tudi jaz* (JT) 'Откуда получил помощь ты, оттуда <получу> ее и я';

в сослагательном наклонении: *Mati, — je dahnil Aleš še vedno bled, — vaši otroci vendar niso izdajali. Stane celo ne bi — bil je komisar* (Mkr) 'Мать, — выдохнул все еще бледный Алеш, — ведь ваши дети не предавали. Уж Стане во всяком случае не <стал> бы — он был комиссаром'; *Niso se motili — da bi rajši bili* (FB) 'Они не ошибались — хотя лучше бы <ошибались>'; *Premišljeval sem, ali sem zares potreboval tako nekrofilski impulz, da sem sploh opazil to neverjetno žensko. Ker drugače je ne*

bi bil (МК) 'Я раздумывал, действительно ли мне был необходим такой некрофильский импульс, чтобы вообще заметить эту невероятную женщину. Потому что иначе я бы ее не <заметил>'

в повелительном наклонении: *Grdo te gledajo. — Naj me!* (SSKJ) 'На тебя косо смотрят. — Пусть';

возвратные формы: *Če se že moraš počesati, pa se* (SSKJ) 'Если уж ты должен причесаться, так <причешись>'; *Se kaj spoznaš na elektriko? — Malo se* (SSKJ) 'Ты немного разбираешься в электричестве? — Немного <разбираюсь>'; *Dejansko sem se takrat postavila na Adamovo stran. Ne da bi takrat to tako videla. Ampak dejansko sem se* (AS) 'В сущности, я тогда встала на сторону Адама. Хотя я тогда смотрела на это иначе. Но фактически <встала>'

Возможен также пропуск вспомогательного глагола при сохранении причастной формы основного глагола или других элементов формы сказуемого, напр.: *Tak, da ti je Tone umrl? — Umrl, umrl, revež* (МКР) 'Так, значит, твой Тоне умер? — Умер, умер, бедняга', *Bi lahko odšli? — Lahko* 'Мы/вы/они могли бы уйти? — Могли бы' (ЈТ). Й. Топоришич приводит следующие примеры эллипсиса вспомогательного (спрягаемого) глагола *biti*: *Je Janez prišel? — Prišel* 'Янез пришел? — Пришел'; *Ali je mlada? — Mlada pa mlada* 'А она молодая? — Молодая-то молодая'; *Je moral oditi? — Moral* 'Он должен был уйти? — Должен' [Топоришич 1980, 161].

В словенском языке возможно также сохранение нескольких формальных показателей, при этом обычно представлены формы вспомогательного глагола и частица *se/si*, напр.: *Potem se je obotavljal in tudi oni sta se* (МТ) 'Потом он сомневался, и они тоже'; *Gotovo je imela častivredne namene, in če se je smehljala, se je predvsem iz taktičnih razlogov* (КМ) 'Наверняка у нее были самые достойные намерения, и если она улыбалась, то прежде всего из тактических соображений'; *Samo ta ali ona (vera) se še trdovratno drži. Ne bi se, ko bi se ni bila sprevrгла v šalo* (НК) 'Только то или иное суеверие все еще сохраняется. Оно бы не <сохранилось>, если бы не превратилось в шутку'.

Таким образом, различия морфологического оформления глагольных форм в словенском и русском языках приводят к различиям при эллиптировании предиката. Разнообразие форм словенского глагола позволяет сохраняться в структуре предложения формальным показателям предиката, для чего в русском языке имеется гораздо меньше возможностей.

б) Если в структуре предложения содержится субъектно-объектный детерминант, то в обоих языках он обычно элиминируется, напр.:

рус. *Будешь читать газету?* — Буду; слов. *Ali boš odšel v Litvo?* — Вот 'Ты уедешь в Литву?' — Уеду'.

В словенском языке субъектно-объектные детерминанты часто сохраняют позицию в предложении путем замещения полнозначной лексемы в различных падежах анафорическим местоимением-клиткой, напр.:

вин. п.: *Lenora, našel te bom. — Seveda me boš* (MD) 'Ленора, я тебя найду. — Конечно <найдешь>; *Ugrabi me. — Saj sem te. — Nisi me še* (MD) 'Укради меня. — Так я же тебя <украл>. — Нет, ты меня еще не <украл>'; *Ko je Romana rekla, da je Adam poročen z neko mlado, me v bistvu sploh ni nič pretreslo. Takrat se mi je zdelo, da me je, ampak me ni. Samo zdelo se mi je, da me je. Ne, ni me* (AS) 'Когда Романа сказала, что Адам женился на какой-то молодой <женщине>, меня это, в сущности, совсем не взволновало. Тогда мне казалось, что <это> меня <взволновало>, но меня не <взволновало>. Мне только казалось, что меня <взволновало>. Нет, не <взволновало> меня'; *Vsi anketirani na Pravni Akademiji so vedeli, da je razpravo Napake slovenskega pisanja napisal Fr. Levstik, medtem ko trije menili, da jo je Janez Trdina* (JS) 'Все анкетированные в Академии юридических наук знали, что работу "Ошибки словенского письма" написал Фр. Левстик, между тем как трое считали, что ее <написал> Янез Трдина'; *Ko se spominjam teh časov, se jih predvsem zato, ker so bili povezani z Lenoro* (MD) 'Когда я вспоминаю те времена, вспоминаю их прежде всего потому, что они были связаны с Ленорой';

дат. п.: *Odsekam si lahko samo levico, a vprašam te, kako si bom potem desnico* (MK) 'Я могу себе отрубить только левую руку, но спрашиваю тебя, как я потом <отрублю> себе правую'; *Sinoči <...> je resda kadila, — prvo cigareto po šestih letih — toda niti najmanj ji ni ugajalo. In tudi zdaj ji ni* (DŽ) 'Вчера вечером... она на самом деле курила — первую сигарету шесть лет спустя — но ей это совсем не понравилось. И сейчас ей тоже не <нравилось>'; *Oči, kupi mi psička. Oči, a mi ga boš?* (MT) 'Папа, купи мне собачку. Папа, ты мне его <купишь>?';

род. п. (при отрицании): *"A, tista rastlina? O, jaz ne vem, kdo jo je izruval. Jaz je nisem."* *Ker je tudi on, umetnik Marinko, ni, je to moral storiti nekdo tretji* (MT) '"А, это растение? О, я не знаю, кто его вырвал. Не я". Поскольку он, художник Маринко, ее тоже не <вырывал>, то это должен был сделать кто-то третий'; *Ste že potegnili črto pod račun? — Kako bi je ne?* (E. Kozak, пример из [Orzechowska 1977, 78]) 'Вы уже закончили расчет? — Как же!', досл.: 'Вы уже подвели черту под счет? — Как бы ее не <подвели>!'

Анафорическая клитка может появляться и в случае отсутствия в предложении форм связочного глагола, ср.: *Vedel je, kdo seje zlo po dolini, kdo skrivaj ljudem pije kri; saj jim jo tudi prej, ko je bil še živ* (MD) 'Он знал, кто сеет зло в долине, кто тайно пьет кровь людей: ведь он же <пил> ее у них и раньше, когда был еще жив'; *Če pa se jim že*

hoče, da si brusijo jezike, naj si jih le (МКr) ‘Если им так хочется чесать языки, пусть себе их <чешут>’; *Ne pozabi, župnik od Urbana: če že življenje mora kaznovati svoje otroke, ni treba, da jih še nebo* (МКr) ‘Не забудь, священник <церкви св.> Урбана: если уж жизнь должна наказывать своих детей, не нужно, чтобы еще и небо <это делало>’¹⁰.

Сохранение анафорических местоименных элементов при эллипсисе полнозначных слов в некоторых славянских языках, в том числе и словенском, рассматривалось в работах Г. Ожеховской, З. Тополинской, Л. Ухлиржовой и др. Отмечалось, что анафоризация глагола характерна для сербского, хорватского, лужицкого, отчасти словацкого языков [Uhlířová 1991], тогда как анафоризация имен составляет особенность словенского [Topolińska 1989; Orzechowska 1977] и словацкого языков [Orzechowska 1977]. По мнению Л. Ухлиржовой [Uhlířová 1991, 113], вспомогательный элемент (клитикон) в таком случае становится носителем *предикации* и выступает как центр ремы, т.е. представляет информационно важную часть высказывания. Г. Ожеховская [Orzechowska 1977, 74, 80] подчеркивает именно *структурно-синтаксический*, а не экспрессивный характер этого типа эллипсиса и полагает на этом основании, что в случае полного эллипсиса глагольного сказуемого местоименные клитики выполняют в предложении ту же функцию, что и глагольные клитики в случае неполного эллипсиса сказуемого.

З. Тополинская [Topolińska 1989, 99] считает данную эллиптическую структуру типичной *провербиальной конструкцией*, реализующей “грамматическую информацию, свидетельствующую о формальной модели пропозиции (предикативно-аргументативной структуры)”; при этом в тексте сначала появляется прономинальная анафора/катафора, а уже затем провербиальная анафора — с возможной прономинализацией групп в вин. и дат. падежах, а также одновременное появление дат. и вин. падежей (примеры см. выше). Механизмы появления клитик связаны с семантикой соответствующих лексем: позиции аргументов не повторяются в случае, если аргументом является событие, а не предмет, и они особенно частотны, если референтом является человек. З. Тополинская приходит к выводу, что эллипсирование полнозначных предикатов и их аргументов с сохранением категориальных формальных клитик как предиката, так и аргументов свидетельствует о значимости для словенского языка более расщепленной в семантическом отношении структуры [Topolińska, 1989, 102].

Связь анафоризации с позицией аргумента в структуре предложения подчеркивает Я. Орешник, отметивший ее невозможность в слу-

чае конструкций типа *Ali imaš namen oditi?* — **Imam ga* ‘У тебя есть намерение уйти? — Есть’, где *imeti namen* ‘иметь намерение’ занимает одно место в структуре предложения, а именно позицию предиката [Orešnik 1992, 72], и не открывает позиции аргумента.

Важность для словенского языка структуры с сохранением позиции аргумента подтверждается, на наш взгляд, тем, что с *просенциальными конструкциями* (термин З. Тополинской) соотносятся фразеологические обороты типа *pobrisati jo* ‘убежать’, *piti ga* ‘пить спиртные напитки’, *dobiti jih* ‘быть побитым’ [Коницкая 2000]; к их числу можно отнести также оборот *imeti jih (koliko)*, о котором речь шла выше.

Аргументы (объектно-субъектные детерминанты) в русском языке подвергаются эллиптированию легче, чем в словенском. Их анафоризация в случае частичного сохранения предиката в виде клитикон, а также при полном эллиптировании предиката невозможна.

Б. Конситуативно не обусловленные реализации структурных схем предложений

Рассмотрение конситуативно не обусловленных реализаций в сопоставляемых языках интересно тем, что неполные реализации структурных схем предложений одного языка могут быть соотносимы с полными реализациями структурных схем другого языка, и формально эквивалентные реализации двух языков могут различаться нейтральностью/маркированностью. Поскольку мы исходим из традиции РГ 80, то ниже рассматриваются неполные реализации структурных схем русского языка в их соотношении с реализациями схем словенского языка как для выявления специфики каждого типа, так и для установления лексического наполнения и других особенностей реализации структурных схем каждого из языков.

Конситуативно не обусловленные реализации, связанные с грамматическими факторами

В русском языке возможна реализация модели без подлежащего, выраженного личным местоимением 1 или 2 л., напр.: *Говорю; Идешь; Прошу всех выйти* (СС). Предложения такого рода, традиционно относимые к определенно-личным, в РГ 80 трактуются как реализации *структурной схемы* N_1V_f . Обобщенно-личные предложения, в которых подлежащее может быть эксплицитно не выражено или же выражено формой личного местоимения 2 л., также относятся к реализации этой схемы, напр.: *Говоришь ему, а он не понимает ~ Ты ему говоришь, а он не понимает*. Несмотря на то, что предложения

без подлежащего, выраженного местоимением 1 или 2 л. — довольно распространенное явление в русском языке, более обычными являются предложения с эксплицированным местоимением.

В отличие от русского языка, в словенском реализация структурной схемы $N_1 V_f$ без подлежащего, выраженного личным местоимением 1 или 2 л., является более обычной и *стилистически нейтральной*, ср.: *Adam je insistiral, da ju z Goranom čez vikend obiščeva na morju* (AS) 'Адам настоял, чтобы <мы> с Гораном навести их на море в конце недели'. В словенском языке введение подлежащего, выраженного личным местоимением, маркирует предложение. Оно возможно (а) при акцентировании подлежащего или же (б) при наличии противопоставления, напр.:

(а) *Ničesar nisem naredila; tisto sedenje tistega popoldneva na kavču ni bilo nič, za tisto ni vedel nihče, za tisto nisem vedela niti jaz — niti sebi nisem povedala* (AS) '<Я> ничего не сделала; это сидение в тот послеполуденный час на диване ничего не значило, об этом не знал никто, об этом не знала даже я, даже себе <я> не сказала <об этом>';

(б) *Ti pojdi naprej, mi bomo počakali tukaj* (SSKJ) 'Ты иди вперед, а мы подождем здесь'.

В обобщенно-личных предложениях личное местоимение в словенском языке также обычно опускается, напр.:

Saj ne, da bi bila brez znanstvenih prvin, pravim vseeno, trmasto — do konca je treba izpeljati, kar si začel, potem pa bomo videli, kaj bo (AS) 'Не то чтобы в ней не было научности, говорю я упрямо — надо до конца довести то, что <ты> начал, а потом посмотрим, что получится'. Сохранение личного местоимения в такого рода предложениях придает им экспрессивную окраску, напр.: *Samo prepirajo se in kričijo. Ti jih pa razumi* (SSKJ) '<Они> только ругаются и кричат. А ты их должен понимать'.

Если предложение с отсутствующим подлежащим, выраженным личным местоимением 1 или 2 л., для русского языка интерпретируется как *неполная реализация структурной схемы*, то для словенского языка то же явление представляет *полную реализацию схемы*.

**Конситуативно не обусловленные реализации,
связанные с лексико-семантическими факторами**

В русском языке неполные реализации, обусловленные лексико-семантическими факторами, наблюдаются в двухкомпонентных и одноконпонентных типах предложений, в структурных типах со спрягаемой формой глагола и без нее.

Данный тип неполной реализации некоторые авторы считают конситуативным или контекстным, ср., напр., миниконтекст: "Ты куда

<...>? — *спросила жена. — Скотину посмотреть, — бросил он в дверях*” [Vychodilova 2001, 15–16]. Связь с контекстом как первого, так и второго предложения очевидна, поскольку в них присутствуют разного рода указания на пропущенный предикатный глагол: формы зависимых элементов предложения, лексико-семантическое окружение и т.д.

Однако предложения типа *Ты что, всю жизнь за баранкой?* (ZV), *Ребята ложки в руки и принялись за еду* (PГ), по нашему мнению, относятся к числу конситуативно не обусловленных реализаций структурных схем, так как пропущенный компонент в них не эксплицируется ни в предыдущем, ни в последующем контексте и не объясняется конситуацией.

Эллиптированные предложения такого рода в русском и словенском языках представлены в нескольких типах структурных схем.

1. Наиболее часто наблюдается эллипсис сказуемого, выраженного глаголом определенного лексико-семантического класса, в двусоставных глагольно-именных предложениях со структурной схемой $N_1 V_r$. Синтаксические связи отсутствующего глагола при этом реализуются, на что указывает обстоятельственный или объектно-субъектный детерминант [PГ 80, 120].

В разных работах по эллипсису в русском языке в основном перечислены группы глаголов, которые могут быть эллиптированы, см: [PГ 80, 248–249; Сковородников 1978, 60–61; Vychodilova 2001, 14–16; Sendero 1989, 198–199; Шевцова 1978, 32–33]. Для словенского языка такие группы не выделены. Анализ эллипсиса показал, что глаголы некоторых лексико-семантических групп в обоих языках совпадают.

Это глаголы со следующими значениями:

сообщения, речи, напр.: рус. *Я о деле; Это вы о погоде?* (AШ); *Опять ты про старое!* (PГ); *Вы несколько рановато об этом* (ZV); *Ты к чему это?* (BS); *Он это сдуру* (AП); слов.: *Jaz zdajle ne bom na dolgo in široko, brez skrbi!* (AН) ‘Я сейчас не буду много <говорить>, не переживайте!’. В русском языке в составе соответствующих предложений обычно есть объектный детерминант, выраженный существительным с предлогом *о, об, про* [Шевцова 1978, 32], или обстоятельственный детерминант с определительным значением, выраженный наречием; в словенском — обязателен обстоятельственный детерминант с определительным значением;

направленного движения, напр.: рус. *Я к тебе; Мы на работу; Он спать* (PГ); *Дождь льет, а он в своем плащике по полям...* (AC); слов. *Vsak čas bo nazaj* (SSKJ) ‘В любую минуту <придет> назад’;

V trenutku bom nazaj (DJ) ‘Я через минуту буду’ В обоих языках в составе таких предложений обязателен обстоятельственный (временной) распространитель;

конкретного (воздействия) (физического, морального или эмоционального), напр.: рус. *Дворянин царя по морде бутылкой, Павла Петровича князь по уху портсигаром* (РГ); *Ты говори, когда тебя спросят, а станешь перебивать, так я тебе костылем!* (АШ); *Ты его в зубы!* (АП); *Это его Туток занозой* (АШ); *Вот я вас! Мы тебя в колонию!* (АС); слов. *Z berglo te bom!* ‘Я тебя костылем!’, *Ne hodi po soncu, te bo božje* (SSKJ) ‘Не ходи по солнцу, тебя удар <хватит>’; *Drugi dan... so odkrili, da jo je kap, vendar ne stoodstotna* (MT) ‘На следующий день обнаружили, что ее хватил удар, но не окончательный’. В составе предложений в обоих языках обязательны объектные детерминанты в вин. п., возможны также детерминанты со значением орудия и обстоятельственные (пространственные) детерминанты.

Другие группы глаголов специфичны для каждого из сравниваемых языков. В русском языке это чаще всего глаголы со значением:

наличия, обнаружения, появления, напр.: *В семье ссоры редко; У нас в клубе лекции часто* (РГ); в этих предложениях обязательной является объектно-пространственная детерминация;

получения/вручения, напр.: *Ты мне свое угодничество — я тебе возможность творить, ты мне человеческое достоинство — я тебе ученую степень* (АС); *Вы мне — шкаф, а я вас — шваброй* (АС); в предложении обязателен детерминант со значением объекта-адресата в дат. п. и объекта в вин. п.;

поступка, поведения (‘заниматься чем-либо, делать что-нибудь’) напр.: *Зачем же вы так с ним?* (АШ); обязателен обстоятельственный детерминант с определительным значением типа *так, таким образом*;

браться/брать, хвататься/хватать, напр.: *Он за револьвер: Застрелю!* (АШ); в составе предложения имеются обязательные объектные расширители в вин. п.;

начала или продолжения, напр.: *Лекция в семь; Вся операция — пять минут* (РГ); в предложениях обязателен обстоятельственный (временной) распространитель;

интенсивной человеческой деятельности, напр.: *Давай лопатами, не имеем права стоять* (ZV).

В словенском языке возможен эллипсис сказуемого, выраженного глаголом со значением:

пить, напр.: *Kaj pa če bi tudi jaz kakšno pivo?* (AS) ‘Что, если и я <выпью> немного пива?’; *Nisem vajen, a mi dobro de, čeprav je res,*

da sem ga danes že preveč (АН) ‘Я не привык <к этому>, но мне хорошо, хотя правда, что я его сегодня слишком много <выпил>’; *Vsak en kozarček ga bova* (SSKJ) ‘Каждый по стаканчику его <выпьем>’; в такого рода предложениях обязателен объектный расширитель в вин. п.;

бросить, выкинуть, напр.: *Tiste <slike> si stran? — je dejal župnik, čeprav tega ni hotel* (МКГ) ‘Ты эти <образа> вон? — сказал священник, хотя и не хотел этого’; *Jaz še nisem za stran* (ЖТ) ‘Меня еще нельзя на свалку’; *To ni za proč* ‘Этого не для того, чтобы вон <выбрасывать>’; в предложении имеется обстоятельственный (пространственный) детерминант;

справиться: Bomo že kako tudi brez tebe (SSKJ) ‘Как-нибудь и без тебя <справимся>’; *Tisto zastran boga le prepusti meni, bom že sama kako z njim* (МКГ) ‘Что касается бога, предоставь это мне, сама как-нибудь <справлюсь>’; *Kar počasi, bomo že* (SSKJ) ‘Потихоньку, <как-нибудь справимся>’, в предложении обычно представлен обстоятельственный детерминант с определительным значением *kako*;

победить: Pa si ga, prima! (SSKJ) ‘Ты его все-таки <победил>, отлично!’.

По приведенным примерам видно, что в словенском языке сохраняются формы вспомогательного глагола *biti* — показатели предикативности, что наблюдалось также в конституативно обусловленных неполных реализациях. Сохранение форм вспомогательного глагола в словенском языке свидетельствует о стабильности базовой конструкции с показателями предикативности.

Полный эллипсис глагольного предиката в словенском языке возможен: (а) в предидирующих предложениях, напр.: *Švabi — zunaj, pred hišo!* (МКГ) ‘Немцы на улице, перед домом!’; (б) в экспрессивных предложениях со значением приказа, напр.: *Vsi na delo* ‘Все за работу’; *Vsi ven!* ‘Все прочь!’; *Roke na klop!* ‘Руки на парту!’; *Trebuh noter, prsi ven!* ‘Живот внутрь, грудь вперед!’; *Otroci, takoj spat!* ‘Дети, немедленно спать!’; *Otroci, brž spat!* ‘Дети, немедленно спать!’; *Zdaj pa domov* ‘Сейчас — домой’; *Zdaj pa le previdno* ‘А сейчас осторожно’ (все примеры из SSKJ); (в) в отрицательных предложениях, напр. *Nikar tako glasno!* (FB) ‘Не так громко!’ *Svatje čakajo, ženina pa od nikoder* (SSKJ) ‘Сваты ждут, а жениха все нет’

Такой эллипсис отмечается также в пословицах, напр.: *Ti očeta do praga, sin tebe čez prag* (SSKJ) ‘Ты отца до порога, сын тебя через порог’; *Danes meni, jutri tebi* (SSKJ) ‘Сегодня со мной, завтра с тобой <может случится беда>’; *Zrno do zrna pogača, kamen do kamna palača* (SSKJ) ‘Зерно к зерну — пирог, камень к камню — дворец’.

Эллипсис в устойчивых фразах создает особые синтаксические структуры и не может расцениваться как неполная реализация определенной структурной схемы.

В перечисленных выше группах предложений глаголы могут эллиптироваться в обоих языках, если они выступают в качестве *субъектного инфинитива* в предложении со сказуемым — глагольным словосочетанием со спрягаемой формой модального глагола. К эллиптируемым глаголам относятся глаголы:

речи, напр.: рус. *Я желаю все как есть Егору Макарычу* (CC) — слов. *Očitno je Peter še kaj hotel, a je Jaka dejal: "Daroval si se, Peter"* (MKr) 'Петер явно хотел <добавить> еще что-то, но Яка сказал: "Ты пожертвовал собой, Петер"'; *Kaj mi hočeš? — je težko dahnila bolnica* (FB) 'Что <ты> мне хочешь <сказать>? — тяжело выдохнула больная';

движения, напр.: рус. *Мы хотим через лес* (CC); *Не хочу домой!* (CC); *Вот что Теркин: на неделю можешь с орденом домой* (AШ) — слов. *In tako naprej in naprej, dokler ni bilo sklenjeno, da morata popravljavnica igrač in njen popravljalec nemudoma iz mesta* (Bis) 'И так далее, пока не было решено, что ателье по ремонту игрушек и его мастер должны немедленно <уйти> из города'; *Hotel je k njej, a ga noge niso nosile* (FB) 'Он хотел <подойти> к ней, но ноги его не слушались'; *Odpravili smo se, ko je sonce že hotelo za goro* (Bis) 'Мы отправились, когда солнце уже хотело <спрятаться> за гору'; *Ti ne znaš nikdar domov* (SSKJ) 'Ты никогда не можешь <прийти> домой'; *Niso mu dali v hišo* (IT) 'Ему не дали <войти> в дом'; *Ni si upal v sobo* (SSKJ) 'Он не решался <войти> к комнате'; *Danes ne tava v šolo* (SSKJ) 'Сегодня не хочет <идти> в школу'; *Ali misliš v Nemčijo z letalom?* (SSKJ) 'Ты собираешься <отправиться> в Германию на самолете?'; *Pes mora stran* (SSKJ) 'Собака должна <идти> прочь'; *Nazaj na fakulteto moram* (AS) 'Я должен <вернуться> назад на факультет';

физического или морального воздействия, напр.: рус. *Но если преданность еще покажут* *Такую же, велю их батогами* (АП); *Хочу молотком* (CC) — слов. *Živa duša ji nič ne more* (SSKJ) 'Ни одна душа ей ничего не может <сделать>'; *Še malo in še malo se je pomaknil proti sosedu, kajti prav dobro je vedel, da je ta privezan in mu ne more nič* (MT) 'Малопомалу он подвинулся к соседу, потому что отлично знал, что тот привязан и ничего не может ему <сделать>'; *Kaj čem s teboj?* (IT) 'Что я могу с тобой <сделать>?'; *S puško hoče nanj* (SSKJ) 'С ружьем хочет на него <напасть>'; *Ne upa se nadenj* (SSKJ) 'Не решается на него <напасть>';

некоторых других семантических групп, напр.: *Kaj hočeš tam, Jakobca?* (MKr) 'Что ты хочешь там <найти>, Яковца?'; *Tobaka ne more več* (IT) 'Табак больше не может <курить>'.

В словенском языке довольно часто наблюдается пропуск субъектного инфинитива также при фазовых глаголах, напр.: *Hišo so začeli še pred leti, pa še ni dokončana* (SSKJ) 'Дом начали <строить> не-

сколько лет назад, но он все еще не построен'; *Nato so tudi pisma prenehala* (SSKJ) 'Потом перестали <приходить> и письма'. В русском языке такого рода эллипсис тоже возможен, ср.: *Он опять начал о старом* (ЕК).

2. В обоих языках возможны конситуативно не обусловленные реализации неподлежащно-сказуемых предложений с зависимым инфинитивом (структурные схемы $V_{\text{fin } 3s} \text{ Inf}$ и $\text{Praed Inf}^{\text{f1}}$), в которых эллиптируется инфинитив глаголов со значениями, сходными с выделенными выше для конситуативно не обусловленных реализаций структурной схемы $N_1 V_f$. Это прежде всего глаголы с общим значением направленного движения, напр.:

рус. *Захотелось домой; Можно к тебе?; Да и лесом-то одному страшно* (CC); *Мне надо в Москву*; слов. *Zahotelo se mi je ven* (SSKJ) 'Ему захотелось из дома'; *Ne da se mi v kino* (SSKJ) 'У меня не получится <пойти> в кино'; *Zmikalo ga je v kino* (SSKJ) 'Он соблазнился <пойти> в кино'; *Nocoj se mi nič kaj ne ljubi dalje* (SSKJ) 'Сегодня вечером меня совсем не тянет <идти> дальше'; *Seveda so ji bile nevoščljive, ker je živela v velikem svetu... in ker ji niso mogle blizu* (MT) 'Конечно, они были недоброжелательны к ней, так как она жила в большом свете... и они не могли к ней <подойти> близко'; *Maček ne bo prišel dol, preba bo ponj* (MT) 'Кот не придет, надо будет <идти> за ним'; *Treba je v trgovino po kruh* (SSKJ) 'Нужно в магазин за хлебом'; *Zdaj bo treba peš* (SSKJ) 'Сейчас надо будет <идти> пешком'.

В указанной позиции возможен также эллипсис глаголов других лексико-семантических групп: речи, физического воздействия, поведения, напр.:

рус. *Можно вопрос?; Хватит вам!; Ладно об этом!* (РГ); *"Не нужно об этом," — тихо сказала Маша* (АШ); *Так невозможно!; Со стеклом надо осторожно; Тебя с разговорами-то и по затылку можно* (CC) — слов. *Z njim je treba lepo* 'С ним надо хорошо <обращаться>'; *S pasom ga je treba* 'Его надо ремнем'; *Tiste ženske ni bilo treba z macolo po glavi!* (АН) 'Эту женщину не надо было кувалдой по голове!' и др.

В обоих языках в предложениях данного типа обычно имеются объектные или обстоятельственные детерминанты.

В обоих языках эллиптирование глаголов определенных лексико-семантических групп представлено довольно широко; наблюдаются сходные условия эллиптирования; обнаруживается сходство как в составе лексико-семантических групп глаголов, так и в наличии обязательных компонентов предложений. В обоих языках возможен эллипсис инфинитива при модальных и фазовых глаголах.

В обоих языках в первую очередь могут эллиптироваться глаголы говорения и движения. Б. Сендеро, анализируя причины эллипсиса глаголов этих групп в русском диалоге, ссылается на мнение В.Г. Гака об их высокой частотности и, кроме того, отмечает, что “*elipsa czasowników ruchu i mówienia pojawia się niemalże w schematycznych konstrukcjach*” [Sendero 1989, 200]. Особое место глаголов этих групп в русском языке отмечается также в РГ 80, так как высокочастотные реализации со значением побудительности представлены прежде всего в структурах, включающих семантический компонент этих групп, напр., значение направленного движения: *Сюда!*; *Все наверх!*; *Быстрее!*; *Ко мне!*; *За доктором!*; *От винта!* В словенском языке к такой группе относятся предложения со значением побудительности, напр.: *Na dan z besedo!* ‘Смелее (говорите)!’ *Roke gor!* ‘Руки вверх!’.

Основные выводы

Сопоставление эллипсиса в словенском и русском языках, проведенное с опорой на теорию РГ 80, позволяет установить, наряду со сходствами, существенные различия в организации как самого этого разноуровневого явления, так и в синтаксической организации рассматриваемых языков в целом.

В обоих языках отмечаются одинаковые условия эллиптирования (конгруэнтность структуры предложений и повторение актантов предшествующего предложения) и выделяются одинаковые типы неполных реализаций: конситуативно обусловленные и конситуативно не обусловленные, однако для словенского языка не выявлено типа конситуативно не обусловленных реализаций, *связанных с грамматическими факторами*.

В конситуативно обусловленных неполных реализациях для обоих языков отмечается возможность пропуска любого члена предложения.

В отличие от русского языка, для словенского характерно частое эллиптирование подлежащего, что достаточно регулярно осуществляется в случае его местоименного характера, в то время как в русском языке часто опускается субъектно-объектный детерминант. В словенском языке субъектно-объектные детерминанты реже эллиптируются и регулярно представлены в местоименном виде при частичном эллипсисе глагольного сказуемого (с сохранением части его формы в виде клитиконов). Такое сохранение показателей предикативности является существенной чертой словенского языка, обладающего более развитой системой разнооформленных глагольных форм. Сохранение позиции аргумента в словенском языке свидетельствует о большей расчлененности предикативной части синтаксической структуры пред-

ложения по сравнению с русским языком. В противовес этому, позиция подлежащего в структуре словенского предложения играет меньшую роль, что позволяет интерпретировать предложения с опущенным подлежащим — местоимением 1 или 2 л. — как полные реализации структурной схемы, в то время как в русском языке они интерпретируются как неполные реализации.

К более поверхностному уровню, не затрагивающему глубинных языковых структур, относятся различия, составляющие специфику языков: употребление некоторых предсказывающих элементов, в частности, частиц; узуальное закрепление эллипсиса компонентов словосочетаний; употребление предлогов в предложных сочетаниях с эллиптированным существительным. К таким же явлениям относится и свойственное обоим языкам эллиптирование предикатных глаголов определенных семантических групп, в первую очередь глаголов движения и речи, с обязательным наличием в предложении обстоятельственных или объектно-субъектных детерминантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литература, посвященная этому явлению, очень обширна, приведем только некоторые работы более общего характера: [Bally 1932; Балли 1955; Сковородников 1973б; 1978; Попова 1953; Леонтьева 1965; Лекант 1986; Валгина 1978; Земская 1987; Шевцова 1978]. Об эллипсисе в других славянских языках см.: [Grochowski 1976; Świdziński 1986; Недев 1992; Sedláček 1988] и др. Обзор русской литературы до 1973 г. см.: [Сковородников 1973а].

² В более ранней работе [Vajec, Kolarič, Rupel 1956] авторы опираются на традиционное учение о членах предложения и не анализируют структурных схем словенского языка.

³ Полнота/неполнота предложений может рассматриваться в различных соотношениях. Так, В.В. Бабайцева и Л.Ю. Максимов выделяют структурно полные, но семантически неполные предложения: *Сказали мне, что заходил за леною кто-то...*, структурно и семантически неполные предложения: *Как мила! — сказала графиня; Куда?*, семантически полные, но структурно неполные предложения (эллиптические): *Татьяна — в лес, медведь за нею* [Бабайцева, Максимов 1981, 132–142]. В русском языкознании предложения, законченные по смыслу и не нуждающиеся в контекстуально-ситуативном восполнении, были выделены в отдельную группу эллиптических в узком смысле слова Л.А. Булаховским [1949], см. подробнее: [Шевцова 1978, 13]. В данной работе проблемы семантически неполных, но структурно полных предложений не рассматриваются.

⁴ На необходимость разграничения типа текста — монологический/диалогический — при анализе эллипсиса указывается часто [Vychodilova 2001; Валгина 1978; и др.], однако для установления основных характеристик эллипсиса в этом нет необходимости. По мнению П. Сковородникова [1978, 13], разработавшего подробную классификацию эллиптических предложений в русском языке, реплики диалога не составляют особой разновидности, поскольку здесь эллипсис обуславливается теми же восполняющими факторами (в первую очередь, контекстом и ситуацией),

что и в других типах текста. К подобному выводу приходит Д. Войводић, констатируя сохранение одних и тех же элементов при эллипсисе предикативных выражений со значением будущего времени в сербском, польском и русском языках: “без обзира на то да ли до изостављања глаголског облика долази у реченицама или у надреченичним јединствима, без обзира на то да ли је ријеч о монолозима или дијалозима... елиптичне конструкције морају да имају формално изражен барем један од конституената” [Войводић 1997, 12].

⁵ Примеры для русского языка приводятся из РГ 80 — РГ, учебников по синтаксису: [Валгина 1978] — НВ, статей: [Шевцова 1978] — АШ, [Сковородников 1978] — ПС, [Бабайцева, Максимов 1981] — Б/М, [Семантика и синтаксис] — СС, [Vychodilova 2001] — ZV, [Sendero 1989] — BS; авторские примеры — ЕК.

Примеры для словенского языка приводятся из SSKJ — SSKJ, грамматик и лингвистических работ: [Toporišič 2000, 1980] — JT, [Tominec 1959] — IT, журнала *Jezič in slovstvo* (I. 21) — JS, а также из произведений современных словенских авторов: Д. Янчара (DJ), Ф. Бевка (FB), М. Томшича (MT), М. Клеча (МК), К. Маринич (KM), Д. Жлебника (DŽ), М. Кранца (MKr), А. Хиенга (АН), Андрея Скубица (AS), Н. Курета (NK), М. Доленца (MD), сборника произведений для детей *Bisernica* (Bis).

⁶ На особое положение частиц и слов, способных выполнять их функции в конституировании коммуникативных форм высказывания, указывает С. Жажа [1990, 521].

⁷ Н.Ю. Шведова [1968, 67] отмечает, что при пропуске компонентов в сложном синтаксическом построении их не всегда можно квалифицировать как эллиптированные простые предложения, так как они могут представлять собой нормально и регулярно функционирующие компоненты общей схемы сложного предложения или же сцепления реплик сложного единства в диалоге.

⁸ Эллипсис опорного слова в атрибутивном словосочетании с течением времени закрепляется во фразеологических оборотах, что широко представлено в обоих языках, напр.: рус. *Кричать во всю ивановскую*, слов. *Za tri metre špranje je bilo! Za en mišji, da boš vedel!* (JV) ‘Щель была три метра. Ни к черту, чтоб ты знал!’. Это позволяет рассматривать по крайней мере некоторые из приводимых примеров как фразеологизмы с закрепленной формой прилагательного. Однако возможны и варианты с полным словосочетанием, напр.: *Adam je lahko povedal kakšno mastno zgodbico in sva se z Goranom smejala* (AS) ‘Адам мог рассказать какую-нибудь сальную историю, и мы с Гораном смеялись’.

⁹ Конструкция *imeti jih (koliko)* со значением возраста имеет экспрессивную окраску, напр.: *Lasje so se ji pobelili že zelo zgodaj, ni jih imela niti štirideset, ko so že postajali srebrnasti* (MT) ‘Ее волосы стали белыми очень рано, ей не было еще сорока, когда они уже посеребрились’. Местоимение *jih* в этом случае, очевидно, соотносимо с лексемой *let*. Наличие местоименной анафоры можно связать с уже упоминавшейся тенденцией к сохранению субъектно-объектных детерминантов в словенском языке.

¹⁰ Распространенность анафоризации в словенском языке демонстрирует обилие примеров, приводимых в [Orzechowska 1977, 79–80], первой обратившей серьезное внимание на это явление в словенском языке.

¹¹ В некоторых случаях довольно трудно установить структурную схему и, соответственно, характер реализации. Так, в словенском языке предложения типа *Te že naučim, kako se ti je vesti* (SSKJ) ‘Я тебя научу, как (тебе) себя вести!’; *Tu nam je omeniti komponistov dar za večšine pičča noja* (АН) ‘Здесь нам надо упомянуть дар композитора к искусству птичьего страуса’ можно отнести либо к предикативно-инфинитивной схеме Praed Inf, либо к инфинитивной схеме Inf. По мнению Й. Топоришича, глагол *biti* в таких предложениях имеет значение ‘morati’ (‘долженствовать’), ‘moči’ (‘мочь’) [Toporišič 1980, 161], а предложения реализуют структурную схему инфинитивного типа (*Biti mi ni več doma* ‘Мне больше не быть дома’). Они соотно-

смы с русскими инфинитивными предложениями, отличающимися ярко выраженной модальностью. напр.: *Февраль. Достать чернил и плакать. Никогда мне не быть на востоке!* [Коницкая 1999]. Наличие связки в словенском языке переводит предложения в класс глагольных типов. Я. Орешник, говоря о предложениях типа *Ne vem, kaj je storiti* 'Не знаю, что делать', использует кавычки: *pedoločniški "stavek"* ('инфинитивное "предложение"') [Orešnik 1992, 130–131].

ЛИТЕРАТУРА

- Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю., 1981: *Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация*. Москва.
- Балли Ш., 1955: *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Москва.
- Булаховский Л.А., 1949: *Курс русского литературного языка*. Киев.
- Валгина Н.С., 1978: *Синтаксис современного русского языка*. Москва.
- Војводић Д., 1997: О эллиптическим конструкцијама у словенским језицима, *Славистика*, књ. 1. Београд, 7–14.
- Гиро-Вебер М., 1979: К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке, *Вопросы языкознания*, 6. Москва, 63–75.
- Данеш Ф., Гаузенблас К., 1974: К семантике основных синтаксических формаций, in *Грамматическое описание славянских языков*. Концепции и методы. Москва, 90–97.
- Жажа С., 1988: Глагольные конструкции родственных языков и расхождения в их функционировании (на материале русского и чешского языков), in *Язык: Система и функционирование*. Москва, 89–98.
- Жажа С., 1990: Аспекты сопоставительного анализа в области синтаксиса, *Zeitschrift für Slawistik*, Bd. 35(4), 518–522.
- Жеберек Т., 1986: Об одном типе польских и русских эллиптических предложений, in *Материалы по русско-славянскому языкознанию: Лексика и грамматика в сопоставительном аспекте*. Воронеж, 49–55.
- Земская Е.А., 1987: *Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва.
- Коницкая Е.М., 1999: Синтаксические функции инфинитива в русском и словенском языках, *Slavistica Vilnensis 1999* (Kalbotuta, 48(2)). 51–62.
- Коницкая Е.М., 2000: Об одной особенности эллипсиса в словенском и русском языках, *Slavistica Vilnensis 2000* (Kalbotuta, 49(2)). 135–136.
- Коницкая Е.М., 2001: Спрягаемо-глагольные односоставные предложения в словенском и русском языках, in *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве*. Москва, 375–383.
- Конюшкевич М.И., 1989: *Синтаксис близкородственных языков: тождество, сходства, различия*. Минск.
- Кржижкова Е., 1974: Дистинктивные семантические признаки и структура предложения, in *Грамматическое описание славянских языков*. Москва, 98–105.
- Лекант П.А., 1986: *Синтаксис простого предложения в современном русском языке*. Москва.

- Леонтьева Н.Н., 1965: Анализ и синтез русских эллиптических предложений, *Научно-техническая информация*, 11. 41–46.
- Мразек Р., 1978: Типология славянского простого предложения, in *Языкознание в Чехословакии*. Москва, 181–188.
- Недев И., 1992: *Синтаксис на съвременни български книжовен език*. София.
- Норман Б.Ю., 1988: *Универсальное и специфическое в синтаксических моделях славянских языков*. Минск (X международный съезд славистов. Доклады).
- Пешковский А.М., 1956: *Русский синтаксис в научном освещении*. 7-е изд., Москва.
- Попова И.А., 1953: Неполные предложения в современном русском языке, *Труды Института языкознания*, т. 2. Москва, 3–136.
- РГ 80 = *Русская грамматика*, т. 2. Москва, 1980.
- Семантика и синтаксис = *Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами*: Материалы всесоюзной конференции “Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков”. Ленинград, 1981.
- Сковородников А.П., 1973а: К вопросу о критерии эллиптичности (по материалам современной советской лингвистической литературы), *Вопросы русского языка и методики его преподавания в вузе и школе*, вып. 1. Красноярск, 3–29.
- Сковородников А. П., 1973б: О критерии эллиптичности в русском синтаксисе, *Вопросы языкознания*, 3. Москва, 114–123.
- Сковородников А.П., 1978: *Эллипсис как стилистическое явление современного русского литературного языка*. Красноярск.
- Современный русский литературный язык, 1988 = Лекант П.А. (ред.), *Современный русский литературный язык. Синтаксис*. Москва.
- Шведова Н.Ю., 1968: О разграничении простого предложения и сходных с ним конструкций, in *Otázky slovanské syntaxe*, II. Brno, 65–73.
- Шевцова А.А., 1978: *Неполные предложения в современном русском языке*. Донецк.
- Якобсон Р., 1985: Нулевой знак, in *Якобсон Р., Избранные работы*. Москва, 222–230.
- Adamec P., 1968: K otázce uplatnění větných členů v strukturních popisech jazyka, in *Otázky slovanské syntaxe*, II. Brno, 111–114.
- Bajec A., Kolarič R., Rupel M., 1956: *Slovenska slovnica*. Ljubljana.
- Bally Ch., 1932: *Linguistique générale et linguistique française*. Paris.
- Bauer J., 1972: *Syntactica slavica. Vybrané práce ze slovanské skladby*. Brno.
- Beličová H., 1982: Sémantická struktura věty a kategorie pádu, *Studie a práce lingvistické*. Praha, 12–14.
- Bobran M., 1996: *Semantyka trybu składniowego języka polskiego i rosyjskiego*. Rzeszów.
- Grepl M., 1968: K podstatě větných typů v slovanských jazycích, in *Otázky slovanské syntaxe*, II. Brno, 21–30.
- Grochowski M., 1976: O pojęciu elipsy, *Pamiętnik literacki*, LXVII(1). 121–136.

- Guiraud-Weber M., 1978: Классификация простого предложения и ее последствия для типологии языков, *Revue des Études Slaves*, LI(1–2). Paris, 129–137.
- Hausenblas K., 1979: Gramatičká syntax textu, in *Реферати од X заседание на меѓународната комисија за изучавање на граматичката структура на словенските литературни јазици*. Скопје, 175–182.
- Karolak S., 2002: O modelu skladni porođnawczej języków słowiańskich, *Зборник Матице српске за славистику*, 31. Нови Сад, 7–18.
- Koseska-Toszewa V., 1993: *Gramatyka konfrontatywna rosyjsko-polska. Składnia*. Warszawa.
- Orešnik J., 1989: Računalniško prepoznavanje slovenske skladnje, *Slovenski jezik v znanosti*, 2. Ljubljana, 129–144.
- Orešnik J., 1992: *Udeleženske vloge v slovenščini*. Ljubljana.
- Orzechowska H., 1977: Strefowa innowacja składniowa: nawiązujące użycie klityk, *Rocznik Sławistyczny*, t. 38(1). Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 71–81.
- Sedláček J., 1988: K otazce slovanské elipsy, *Slavia*, 57. Praha, 378–388.
- Sendero B., 1989: Elipsa i asyndeton w strukturze dialogu rosyjskiego (na tle języka polskiego), *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, t. XXV. Warszawa, 197–209.
- Składnia 1998 = Saloni Z., Świdziński M., *Składnia współczesnego języka polskiego*. Warszawa, 1998.
- SSKJ = *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana, 1995.
- Świdziński M., 1986: Elipsa w gramatyce formalnej współczesnej polszczyzny, *Prace filologiczne*, t. XXXIII. 357–364.
- Tominec I., 1959: Pripomba k elipsi v slovenski sintaksi, *Jezik in slovstvo*, 19. Ljubljana, 253–254.
- Topolińska Z., 1989: O pewnej osobliwej słowiańskiej konstrukcji prowerbalnej, *Slavistična revija*, 1–3. Ljubljana, 97–102.
- Toporišič J., 1980: O strukturalnem določanju besednih pomenov (ob glagolu *biti*), *Linguistica*, t. XX. Ljubljana, 151–168.
- Toporišič J., 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor.
- Uhlířová L., 1991: Slovanské slovosledné izoglosy, in *Problemy teoretyczno-metodologiczne badań konfrontatywnych języków słowiańskich*. Warszawa, 101–115.
- Vychodilova Z., 2001: Синтаксический эллипсис в русском и чешском языках, *Vortrag: 28.06.2001* <http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gratis/Vychodilova2.htm>. (21.01.2003).
- Žele A., 2001: *Vezljivost v slovenskem jeziku (s poudarkom na glagolu)*. Ljubljana.

JELENA MIHAJLOVNA KONICKAJA

Ellipsis in Slovenian and Russian

The paper is a contrastive analysis of ellipsis in Slovenian and Russian. The comparison is conducted within the framework of the Russian Grammar 80 syntax theory, which distinguishes between *consituationally conditioned* and *unconditioned* structural sentence schemes. Both Slovenian and Russian allow ellipsis of various parts of a sentence. The conditions for ellipsis (congruity of sentence structure and repetition of elements) are also similar in Slovenian and Russian.

In *consituational dependent incomplete realizations* in Slovenian and Russian, differences are observed in the specification of the predictive element. In elision in negation, Slovenian preserves the negative particle, in contrast to Russian. Moreover, in Russian, ellipsis of subject-object determinants expressed as pronouns is common, whereas in Slovenian, determinants generally are retained.

Ellipsis within a phrase is characterized in both languages by omission of basic words: the differences are associated with the degree of acceptability in the language of corresponding (equivalent) compound names, or they are usually strengthened. Differences are observable also in ellipsis of a subordinate word from prepositional phrases in which the preposition is retained. Incomplete ellipsis of predicate and subject-object determinants is discussed separately.

The variety of Slovenian verb forms allows the preservation within the sentence structure of formal predicate indicators, in contrast to Russian, where this type of construction is much less common. Anaphorization of object-subject determinants in Slovenian demonstrates the importance to the language of a semantically more split sentence structure.

The differences in ellipsis between the languages are also based on the interpretation of similar sentences as *consituationally unconditioned incomplete realizations* in one language, and as full realizations in the other. Similarities and differences are also examined with respect to lexico-semantic groups of verbs that act as predicates in both languages in consituationally unconditional sentence structures.